

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

ОХОТНИКИ И ЖЕРТВЫ

ЛЕДЯНОЙ УКУС

ПОЦЕЛУЙ ТЬМЫ

КРОВАВЫЕ ОБЕЩАНИЯ

ОКОВЫ ДЛЯ ПРИЗРАКА

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

КРОВНЫЕ УЗЫ

ПРИНЦЕССА ПО КРОВИ

ЗОЛОТАЯ ЛИЛИЯ

ЧАРЫ ИНДИГО

ПЛАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

СЕРЕБРЯНЫЕ ТЕНИ

РАЙЧЕЛ МИД

АКАДЕМИЯ
ВАМПИРОВ

КРОВНЫЕ УЗЫ
Книга 5. СЕРЕБРЯНЫЕ ТЕНИ

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М57

Richelle Mead

SILVER SHADOWS
Bloodlines, Book 5

Copyright © 2014 by Richelle Mead

Мид, Райчел.

М57 Академия вампиров. Кровные узы. Книга 5. Серебряные тени : [роман] / Райчел Мид ; [пер. с англ. Т. Л. Черезовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-699-87028-8

Сидни Сейдж силком увозят в центр перевоспитания алхимиков. Руководство недовольно ее романом с Адрианом, а также дружбой с подопечными вампирами.

Связь с ее возлюбленным потеряна — он больше не может проникать в ее сновидения, потому что Сидни вот уже несколько дней держат в состоянии бодрствования. Но девушка ведет свою игру, не сдастся и даже поддерживает заключенных, в то время как потерявший с ней связь Адриан все больше уходит в депрессию. Тотальный контроль алхимиков не может разрушить узы, возникшие между Адрианом и Сидни, но что же будет дальше?

Пятая книга цикла «Кровные узы» — впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Т. Черезова, перевод на русский язык,
2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87028-8

ГЛАВА 1

СИДНИ

Я проснулась в темноте.

В этом не было ничего нового: я просыпалась в темноте уже... вообще-то, я точно не знала, сколько именно дней. Наверное, мое заточение длилось несколько недель, а может, и месяцев. Я потеряла счет времени, находясь в тесной холодной камере, где постелью мне служили шершавые камни. Тюремщики заставляли меня спать и бодрствовать по своему разумению: они использовали какой-то химический препарат, который совершенно меня изматывал. Сперва я была убеждена, что его добавляют в еду или воду, и поэтому устроила голодовку. Мой бунт ничем не закончился — меня просто стали кормить насильно, и этот опыт я, конечно, никогда и ни за что не захотела бы повторить в своей жизни. Да и усыпляющее воздействие препарата никуда не делось. Однако позже я поняла, что его закачивают в вентиляционную систему, а отказаться от воздуха я, само собой разумеется, не могла.

Забавно, но я питала иллюзию, что способна следить за временем благодаря месячным: так женщины примитивных культур настраивали себя на фазы Луны. Кстати, мои пленители, сторонники чистоты и эффективности, предоставили мне в нужный момент все средства женской гигиены. Однако мой план провалился. Резкое прекращение приема противозачаточных таблеток в момент моего заточения перестроило

гормоны и отбросило организм на нерегулярный цикл. Теперь я действительно блуждала в потемках — особенно с учетом странного тюремного расписания. Единственное, в чем я была уверена, это то, что я не беременна, — и данный факт стал для меня громадным облегчением. Если бы мне пришлось беспокоиться о ребенке Адриана, алхимики получили бы надо мной неограниченную власть. Но сейчас в моем теле билось только одно сердце, поэтому я могла выдержать все, что они мне устраивали. Голод, холод. Ничто из вышеперечисленного не имело значения. Я не позволяла им меня сломить.

— Ты размышляла о своих грехах, Сидни?

Стальной женский голос вибрировал в камере и, казалось, исходил отовсюду. Я села, натянув на колени грубую сорочку. Это движение было вызвано исключительно привычкой. Тонкая рубашка без рукавов не могла меня согреть, зато дарила мне психологическое ощущение благопристойности. Мне выделили ее в середине моего пребывания в плену, заявив, что одежда должна символизировать мои будущие благие намерения. Но я думаю, что алхимикам просто пришлось не по нутру моя нагота: ведь они убедились, что это не действует на меня так, как они ожидали.

— Я спала, — ответила я, подавляя зевоту. — Некогда было размышлять.

Препарат, распыленный в воздухе, нагонял на меня постоянную дремоту, но иногда тюремщики прибегали к стимуляторам, которые заставляли меня бодрствовать, какой бы измученной я ни была. В результате я никогда не чувствовала себя полностью отдохнувшей, что и являлось целью алхимиков. Психологическую войну лучше всего вести с утомленным разумом.

— Тебе что-нибудь снилось? — спросил голос. —

СЕРЕБРЯНЫЕ ТЕНИ

Например, искупление? Не думала ли ты о том, какво это — снова узреть свет?

— Ты прекрасно знаешь, что нет, — огрызнулась я.

Сегодня я оказалась нетипично разговорчивой. Мне постоянно задавали вопросы, но я обычно отмалчивалась.

— Если ты прекратишь пичкать меня успокоительным, мне удастся поспать по-настоящему и я увижу что-нибудь интересное, о чем мы с тобой могли бы поболтать, — добавила я, утаив самое главное.

Нормальный сон без препарата означал, что Адриан отыщет меня в моих сновидениях и поможет мне найти выход из этой дыры.

Адриан.

Лишь одно его имя поддерживало меня на плаву. Мысли о нем — о нашем прошлом и нашем будущем — помогали мне выживать в настоящем. Здесь, в темноте камеры-одиночки, я часто погружалась в грезы, вспоминая те недолгие месяцы, которые мы провели вместе. Неужели они пролетели настолько быстро? Из всех девятнадцати лет моей жизни то время стало для меня самым ярким и значимым. И сейчас я думала только об Адриане. Я заново пересматривала каждое драгоценное воспоминание, радостные и горестные события, а когда они заканчивались, то начинала фантазировать. Я перебирала в уме всевозможные варианты, самые нелепые «планы побега от действительности», которые мы придумывали сообща.

Адриан.

Благодаря Адриану я все еще жива.

Но именно из-за него я и угодила в тюрьму.

— Ты не нуждаешься в том, чтобы подсознание запутывало твой рассудок, — заявил голос. — Твой разум уже осведомлен о происходящем. Ты отравлена и

запятнана. Твоя душа окутана мраком, ты согрешила против себе подобных.

Скучная риторика заставила меня вздохнуть, и я пошевелилась, пытаюсь устроиться поудобнее, хоть на это надежды не было. Мои мышцы целую вечность пребывали в состоянии одеревенения. В таких условиях комфорт вообще недостижим.

— Тебя должна огорчать мысль о том, что ты разбила сердце своему отцу, — продолжал голос.

А вот это что-то новенькое. Тема оказалась настолько неожиданной, что я, не задумываясь, выпалила:

— У моего отца нет сердца.

— Есть, Сидни, есть.

Если я не ошиблась, в голосе зазвучало удовлетворение из-за того, что меня удалось спровоцировать на ответную реакцию.

— Он глубоко сожалеет о твоём падении. Не забудь о том, Сидни, что сначала ты прекрасно проявляла себя в борьбе со злом. Но ты разочаровала отца.

Я передвинулась на несколько сантиметров и оперлась спиной о грубо отесанную стену.

— Теперь он может заняться воспитанием своей гораздо более многообещающей дочери. Наверняка он быстро отвлечется.

— Ты и своей сестре сердце разбила. Они оба расстроены и подавлены твоим поведением — ты и представить себе не можешь, насколько сильно. Почему бы тебе с ними не помириться?

— Ты предлагаешь мне сделку? — настороженно спросила я.

— Сидни, мы предлагаем тебе реальную возможность выхода. Скажи нужные слова, и мы с радостью начнем твой путь к искуплению.

СЕРЕБРЯНЫЕ ТЕНИ

— Значит, моя камера тоже является шагом к испу-
лению?

— Сидни, поверь нам — тяжелые условия, в кон-
це концов, приведут к тому, что твою душу охватит
стремление очиститься.

— Ага! — подхватила я. — Вы отлично справились с
задачей. Меня морили голодом, унижали...

— Ты хочешь увидеться со своими близкими, Сид-
ни? Разве не приятно будет посидеть и поговорить, к
примеру, с родным отцом?

Я промолчала и принялась размышлять над игрой,
которую ведут мои тюремщики. Раньше голос пред-
лагал мне в основном телесные блага: горячую ванну,
мягкую постель, хорошую одежду. Меня искушали и
другими вознаграждениями, вроде деревянного кре-
стика, который мне сделал Адриан... А иной раз мне
сулили еду, которая будет вкусной, питательной и ап-
петитной — не то что жиденькая каша, с помощью
которой во мне еще теплилась жизнь. Последний со-
блазн даже включал в себя донесшийся до меня од-
нажды аромат кофе... Вероятно, именно родные, кото-
рым я столь «дорога», и подсказали тюремщикам, что
я обожаю кофе.

Но возможность поговорить с людьми — это и
впрямь было заманчиво. Естественно, Зоя и мой отец
не стояли в начале списка персонажей, которых я жаж-
дала увидеть, но меня заинтересовал увеличившийся
масштаб того, что мне предложили алхимики. Жизнь
вне постылой камеры!

— Что я должна делать? — спросила я.

— То, что тебе уже известно, Сидни, — откликнулся
голос. — Признай свою вину. Покайся в грехах и ска-
жи, что готова спастись.

У меня едва не вырвалось: «Мне не в чем каяться!» Вот что я отвечала им постоянно — во время каждого допроса. Раз сто, а может, и тысячу. Но мне стало любопытно. Тюремное свидание означало, что алхимикам придется отключить ядовитый газ, верно? А если я избавлюсь от воздействия препарата, то буду видеть сны...

— Я говорю эти слова и вы устраиваете мне встречу с родными? — уточнила я.

В голосе послышались сдержанное раздражение и снисходительность.

— Не сразу, Сидни. Поощрение еще надо заслужить. Но ты перейдешь к следующему этапу исцеления.

— Перевоспитания, — подытожила я.

— Ты говоришь таким тоном, как будто это нечто плохое, — произнес голос. — Мы хотим спасти тебя, Сидни.

— Спасибо, не стоит, — заявила я. — Я начинаю привыкать к своей клетке. Будет жаль ее покинуть.

Я напряглась. Проблема заключалась в том, что с первого момента «сознательного» перевоспитания начинались настоящие пытки. Конечно, физически это было не столь тяжело, как пребывание в камере-одиночке, но направлено все будет на управление моим разумом. Суровые тюремные условия являлись фундаментом, который должен был заставить меня почувствовать себя слабой, беспомощной и податливой. А уж затем алхимики будут стараться на славу и попытаются изменить меня целиком и полностью. В результате после завершения перевоспитания я рассыплюсь перед ними в благодарностях...

Но я не могла отмахнуться от их предложения — ведь в таком случае я буду нормально спать и видеть сны! Я сумею найти контакт с Адрианом и прорвусь

СЕРЕБРЯНЫЕ ТЕНИ

еще дальше, как минимум узнаю, что он в порядке... если меня не разрушит перевоспитание. Увы, я могла лишь предполагать, какие психологические приемы тюремщики используют в моем запущенном случае, но стопроцентной уверенности у меня не было. Выдержу ли я новые? Уберегу ли собственный разум или меня настроят против всех моих принципов и против тех, кого я люблю? Вот в чем заключался риск ухода из камеры. Кроме того, я не сомневалась, что у алхимиков есть препараты и методы, давящие на мозг, и подопытный просто усваивает все, что нужно. Хотя я, пожалуй, защищена от этой опасности, поскольку еще на свободе я регулярно колдовала... но какой-то риск в моем случае все-таки имелся. А еще меня очень беспокоило, что я окажусь уязвимой. Единственный известный мне способ защититься от принуждения заключался в изготовленном мною снадобье. Я успешно применила средство на одном человеке — но не на себе.

Дальнейшие размышления мне пришлось отложить: меня затопила усталость. Видимо, на сей раз разговор был закончен. Я понимала, что сопротивляться бесполезно, и растянулась на полу, отдаваясь во власть вязкого сна, погребаящего мысли о свободе. Но прежде чем препарат меня отключил, я мысленно произнесла любимое имя, используя его в качестве талисмана, дарующего мне силу и надежду.

Адриан!..

* * *

Когда я очнулась, то обнаружила в камере еду. Это была обычная овсянка, которая продается в коробках и заливается кипятком. Думаю, в ней содержались витамины и микроэлементы, снабжавшие мой организм небольшим количеством энергии. Однако назвать еду

горячей было бы преувеличением: овсянка оказалась чуть-чуть теплой. Вероятно, алхимики решили, что заключенному незачем наслаждаться аппетитными блюдами. Но, несмотря на всю безвкукусность кашицы, я механически ее хлебала, помня, что мне понадобятся силы, когда я обрету свободу.

«Если я выберусь отсюда».

Предательская мысль возникла прежде, чем я успела ее подавить. Давнишний страх незаметно подтачивал меня изнутри. Меня снедала пугающая вероятность того, что меня будут держать здесь вечно и я никогда не увижу тех, кого люблю: Адриана, Эдди, Джилл... никого из них. И я никогда не буду колдовать. Никогда не прочту ни единой книжки. Вот что причинило мне сегодня особенно сильную боль: хотя мечты об Адриане и скрашивали мое существование, я готова была пойти на убийство, лишь бы получить возможность почитать! Все, что угодно, даже глупый макулатурный романчик! Я бы с радостью проглотила журнал или брошюру — тогда тьма и стальной женский голос были бы мне нипочем.

«Соберись, Сидни, — приказала я себе. — Ради себя. Вытерпи — ради Адриана. И подумай, на что бы он пошел ради тебя?»

Верно! Где бы он ни находился — оставался ли в Палм-Спрингсе или куда-то переехал — я не сомневалась, что Адриан никогда меня не предаст. Значит, мне необходимо ответить ему тем же. Надо готовиться к тому моменту, когда мы будем вместе, — и надеяться на воссоединение.

«Centrum permanebit». Латинские слова прозвучали у меня в голове, укрепляя меня. В переводе они означали «центр устоит» — и были отголоском стихотворения, которое мы с Адрианом однажды прочли

вместе. «Теперь центр — это мы, — подумала я. — И я устою во что бы то ни стало».

Я завершила свою скудную трапезу и попыталась ополоснуться над крохотной раковиной в углу камеры, ощупью найдя место, где она располагалась — как раз рядом с унитазом. Настоящая ванна или душ были исключены (хотя мои тюремщики пытались использовать их как приманку), и я ежедневно (по крайней мере, убеждая себя, что уже наступил день) обтиралась грубым куском ткани, намоченным в ледяной воде, от которой пахло ржавчиной. Какое унижение! Я знала, что алхимики наблюдают за мной через инфракрасные камеры, но тешила мыслью, что сохраняю человеческий облик и не зарастаю грязью. Я не доставлю своим тюремщикам такого удовольствия. Я останусь человеком, хоть именно этот пункт и служил основой для всех обвинений, которые против меня выдвигались.

Приведя себя в относительный порядок, я свернулась в калачиком, стуча зубами и дрожа от холода. Моя мокрая кожа еще не высохла. Смогу ли я когда-нибудь согреться?

— Мы побеседовали с твоим отцом и сестрой, Сидни, — внезапно объявил голос. — Они очень переживали из-за того, что ты не пожелала с ними встретиться. Зоя плакала. Ты причинила им боль, Сидни.

Я поморщилась, жалея о том, что подыграла алхимикам. Теперь они вообразили, что тактика с использованием моих родных дала веский результат. С чего они предположили, будто мне захочется сблизиться с людьми, которые меня здесь заперли? Единственная родня, с которой я хотела бы увидеться, — мама и старшая сестра. Но они наверняка не числились в списке избранных, допущенных к алхимическим тайнам, особенно если мой папа добился своего в процедуре

развода. Вот о разрешении этой проблемы мне действительно хотелось бы что-то узнать, но я не собиралась демонстрировать свою слабость.

— Разве ты не сожалеешь о том, что причинила им боль, Сидни? — бубнил голос.

— По-моему, Зое и папе следует сожалеть о той боли, которую они причинили мне, — вырвалось у меня.

— Ты ошибаешься, Сидни, — утешительным тоном произнес голос.

Я промолчала. Теперь мне захотелось дать по физиономии алхимическому начальству, хоть мне и не свойственно прибегать к грубой силе.

— Твои родные поступили так, чтобы помочь тебе, Сидни. Мы все стараемся тебе помочь. Они были бы рады объясниться с тобой.

— Ага, — проворчала я. — Если вы вообще с ними говорили.

Я уже презирала себя. Почему я им подыграла? А сейчас я расплачиваюсь.

Надо полагать, они ликуют.

— Зоя спросила, можно ли принести тебе ванильный латте с обезжиренным молоком, когда она придет тебя навещать. Мы ей, разумеется, разрешили. Мы целиком за цивилизованную встречу: чтобы вы сели и по-настоящему побеседовали. Тогда твои близкие успокоятся, а твоя душа исцелится.

Мое сердце отчаянно колотилось, но это никак не было связано с обещанием кофе. Голос вновь подтвердил свое заманчивое предложение.

Настоящее свидание — за столом, с кофе... Оно должно состояться вне камеры. Если допустить толику истины в моей фантазии, то я уверена лишь в одном: алхимики, конечно, не приведут папу и Зою в тюремные застенки.

Не то чтобы моей целью была встреча с родными, но я намеревалась вырваться отсюда. И я по-прежнему считала, что смогла бы оставаться здесь вечно — выдержать все алхимические испытания. И не обманывала себя. Но что мне даст подобное упрямство? Я докажу свою выносливость и непокорность... Я ими горжусь, а они никак не приближают меня к Адриану. Чтобы попасть к Адриану и моим друзьям... мне необходимо видеть сны. Поэтому сейчас — в первую очередь — мне важно избавиться от дурмана и дремотного состояния.

И это еще не все. Если я окажусь вне тесной камеры, мне, возможно, удастся использовать магию. Кто знает, может, я даже догадаюсь, куда они меня спрятали. И тогда-то я освобожусь.

Но сначала мне надо выйти отсюда — хотя бы ненадолго. Я считала, что пребывание в клетке являлось испытанием моего мужества, но неожиданно я подумала, что подлинным испытанием моей отваги станет выход из нее.

— Тебе этого хотелось бы, Сидни? — Теперь в голове появились явные нотки возбуждения, почти нетерпения, которые совершенно не вязались с тем высокомерным и властным тоном, к которому я привыкла. Им еще никогда не удавалось добиться от меня такого жаркого интереса. — Тебе хотелось бы сделать первые шаги к очищению своей души — и встрече с родными?

Сколько времени я прозябала в одиночной камере, то проваливаясь в забытие, то разлепляя веки и таращась в темноту? Щупая свой торс и руки, я чувствовала свою худобу: такая сильная потеря веса должна занимать недели. Или месяцы... я понятия не имела. А пока я здесь, мир живет без меня: мои друзья и масса других людей... они просто во мне нуждаются.

— Сидни?